

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МИФ В НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Гудков Д.Б.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет*

Данная статья посвящена лингвистической составляющей национального мифа, ее этнодифференцирующей и этноинтегрирующей функциям. Особое внимание уделено лингвистическим мифам примордиализма (древность, сложность, богатство) и их представлению в российском медийном пространстве, их роли в метонимической идентификации личности.

Ключевые слова: *национальный миф, конструктивизм, примордиализм, метонимическая идентификация, лингвистическая мифологема.*

В наивном, обыденном сознании под мифом подразумевается небылица, именно это понимание и отражается в подавляющем большинстве употреблений соответствующего слова в различных русских дискурсах сегодня. Мифу оказывается противопоставлено некое истинное знание, а сам миф является достоянием «темного», «неразвитого», «непросветленного» сознания. При этом такой подход к мифу и мифологии в целом характерен, конечно, не только для наивного сознания, но находит отражение в многочисленных научных трудах. Философский энциклопедический словарь указывает: «<...> В целом мифология как ступень сознания исторически изжила себя; в развитом цивилизованном обществе мифология может сохраняться фрагментарно, спорадически на некоторых уровнях» [8: 379].

Этому пониманию мифа противостоит иная точка зрения. «Миф не есть нечто давно отжившее, некая выдумка, но представляет собой логически, т.е. прежде всего диалектически необходимую категорию сознания и бытия вообще» [5: 25]. «Миф может адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но он не может исчезнуть окончательно» [10: 176]. Можно вспомнить большое количество работ по современной политической мифологии, исследования мифологической структуры таких идеологических систем, как коммунизм и фашизм (напр.: Э. Кассирер, Э. Фромм, Б.П. Вышеславцев, С. Московичи) и т.д.

Прежде чем продолжить дальнейшие рассуждения, остановимся на существеннейшем свойстве мифа, при отсутствии которого в том или ином сообщении бессмысленно говорить о нем как о мифе. Э. Лич: «Специфика мифа в том, что он является божественной истиной для тех, кто верит, и волшебной сказкой для неверующих» (цит. по [9: 31]). Проблема в том, что говорить о мифе именно как о мифе можно только в том случае, если в него верят. Чтобы миф был действительно мифом, необходимо рассматривать его «не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого мифа; <...> миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимальная интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность» [5: 23–24]. Скажем, загробная жизнь для верующего человека не фикция, не абстракция, а живо переживаемая реальность, понятие кармы для человека индуистской культуры не подвергается сомнению и определяет его конкретные поступки; для человека, любящего Родину, последняя не является исключительно географическим термином, некоей территорией, а разговоры о ее особом предназначении – выдумками, он ощущает магическую связь с родной землей, болезненно переживает разлуку с ней (ср. литературу русской эмиграции, в примитивизированном виде – переживания футбольных болельщиков, олицетворяющих себя с группой спортсменов, которые, в свою очередь, не просто гоняют кожаную сферу, но защищают страну

как таковую); космополит, верящий в универсальные общечеловеческие ценности, тоже остро переживает эти ценности, и т.д. и т.п. Итак, без веры, без конкретного личностного переживания миф мертв, это уже не миф, как мумия не человек.

В вопросе о функциях мифа подходы исследователей не столь различны, здесь наблюдается определенное единодушие. Практически все исследователи выделяют две функции мифа как основные. Е.М. Мелетинский: «Мифологический символ функционирует таким образом, чтобы личное и социальное поведение человека и мировоззрение (аксиологически ориентированная модель мира) взаимно поддерживали друг друга в рамках единой системы. Миф объясняет и санкционирует существующий космический порядок в том его понимании, которое свойственно данной культуре, миф так объясняет человеку его самого и окружающий мир, чтобы поддерживать этот порядок» [6: 169–170]. М. Элиаде: «Функция мифа – давать модели и, таким образом, придавать значимость миру и человеческому существованию» [10: 119]. К. Флад: «Миф представляет нам объяснение того, каков мир и как случилось, что он оказался именно таким. <...> Миф является как отражением действительности, так и моделью для него» [9: 32].

Таким образом, миф 1) объясняет человеку окружающий мир и его самого, 2) санкционирует и поддерживает существующий порядок в том его виде, в котором он отражен в мифе, 3) задает парадигму социального и индивидуального поведения (обязательные, желательные, нежелательные, запрещенные действия).

Итак, пока мы пришли к тому, что миф – неподвергаемая рефлексии высшая истина, лично и конкретно переживаемая индивидом, объясняющая ему мир и задающая модели поведения в этом мире, она почти непроницаема для эмпирического опыта и «чистой» логики. Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен указывают: «Миф, с одной стороны, искаженное представление о действительности, но, с другой стороны, это искажение неизбежно, потому что оно устанавливает необходимый горизонт для наших действий. <...> Одна из целей дискурс-анализа состоит в том, чтобы точно определить и проанализировать мифы общества как объективную реальность, которая подразумевается в разговоре и других действиях. <...> С помощью дискурс-анализа можно проанализировать то, как различные социальные деятели наполняют мифы значениями в борьбе за то, чтобы сделать преобладающими свои взгляды на общество» [7: 69–70]. Таким образом, наша социальная жизнь, представляющая собою борьбу и взаимодействие различных дискурсов, может быть рассмотрена как борьба и взаимодействие различных мифов. При этом одно из центральных мест в этой борьбе занимает национальный миф.

Понятие национального мифа давно и активно используется в социологии, особенно американской. США – образец эффективного внедрения национального мифа, известного всем и являющегося *credo* для подавляющего большинства населения этой страны (речь идет о базовых понятиях, а не об отдельных их репрезентациях, которые могут вызывать и вызывают споры). В случае с США национальная мифология достигает предела – самодостаточности, абсолютного знания о том, где находится центр мира, кто является носителем истины. Как говорилось выше, настоящая мифология не нуждается в выходе за свои пределы, рождает уверенность в том, что иные мифологические системы являются заблуждением или прямой ложью. Конечно, для такой системы необходим враг, «чужой», покушающийся на основы мироздания. Мир врага – это антимир, там все неправильно: почти всегда ночь и снег, люди носят непонятную одежду, злодейские бороды, не знают человеческого языка, читают и пишут наоборот и т.д. Этим объясняется необходимость конституирования «империи зла», «мирового терроризма» и т.п. «Мы», «добро», противостоим «злу», которое должно быть конкретно и осязаемо. Речь идет об искреннем восприятии этой мифологии, выносим за скобки сознательное политическое манипулирование, корыстное использование этих представлений, их циничную эксплуатацию – эта тема нас здесь не интересует.

Если же обратиться к национальному мифу русского лингвокультурного сообщества, то здесь мы увидим не системность и эффективность, но размытость и эклектичность. Интересно наблюдать современные попытки сознательного конструирования национальной мифологии и их очевидную обреченность, обусловленную все той же противоречивостью. Этому несколько причин: утрата ощущения самодостаточности, отсутствие прямо декларируемого «врага» («врагов»), несоответствие формы и содержания. Цельная ми-

фология отсутствует, хотя существуют отдельные фрагменты, некоторое количество принимаемых большинством мифов. Бесспорным примером общего мифа является Великая Отечественная война, но этим, пожалуй, все и исчерпывается. Идущие сверху и активно финансируемые попытки дополнить этот миф историей 1612 года, подвигом К. Минина и Д. Пожарского успехом не увенчались и вряд ли могли увенчаться.

Сохраняется вера в свое национальное величие, важную роль в мире, идеалом государства является централизованная, управляемая держава во главе с мудрым царем. Но отсутствует четкое и ясное воплощение этого идеала. В современном русском лингвокультурном сообществе мало прецедентных имен, обладающих сакральным статусом, которые являлись бы презентацией указанных мифологических представлений. Это наглядно продемонстрировал телевизионный проект «Имя России», несмотря на мощную рекламу, без особого успеха представленный на одном из отечественных каналов. В оценке деятельности Ивана IV и Петра I, которые активно мифологизировались при Сталине, как и самого Сталина, нет единства, отсутствует общий, разделяемый всеми миф.

При этом в попытках конструирования национальной мифологии легко заметить две прямо противоположные тенденции, которые пробуют соединить (вероятно, неосознанно).

1) Миф «темных веков» с последующим просветлением. Это архетипическая универсальная схема, воспроизводимая многократно: приход мессии, просветление Гаутамы, подвиг Прометея, революция 1917 г. и т.д. Сегодня на эту схему накладывается следующее представление: из мрака тоталитаризма к свету демократии, движение от варварства к цивилизации. Истинное начало собственно истории, т.к. все остальное было только предысторией. Любопытно в этом отношении обращение к фигуре Петра I как в коммунистической мифологии (роман придворного писателя А. Толстого, известный кинофильм), так и в либерально-демократической (Медный всадник как эмблема «Демократического выбора России», фигура указанного царя в рекламных роликах этой и родственных ей политических партий).

2) Миф «золотого века». От заблуждений и искушений настоящего следует двигаться к восстановлению и обретению традиций и истоков. Идеал остался в прошлом, необходимо к нему вернуться. «Золотой век» может при этом локализоваться в различных эпохах: советской (очевидная реабилитация Сталина, разговоры о преимуществах социализма, о братстве народов), романовской (такие продукты кино и телевидения, как «Сибирский цирюльник», «Гибель империи», «Адмирал», торговые марки поставщиков императорского двора, старательное написание в разных брендах «еров» и «ятей» и т.д.), допетровской (обращение к православной традиции истинной святости, деревенскому «ладу» и др.).

Лингвистическая составляющая оказывается одной из важнейших в национальной мифологии. Д. Джозеф указывает на то, что миф национального государства – общее представление о том, что мир естественным образом состоит из национальных государств, – связан с представлением о том, что национальные языки представляют собой изначальную данность [4]. Эта позиция характерна для космополитического конструктивизма, хрестоматийными примерами которого являются, скажем, теория Б. Андерсона, толкующего нацию как воображаемое сообщество, концепция Э. Хобсбаума о национальном языке как дискурсивной конструкции и др. При этом Б. Андерсон именно языку отводит решающую роль в формировании нации: «Сама возможность вообразить нацию возникла исторически лишь там и тогда, где и когда утрачивали свою аксиоматическую власть над людскими умами три основополагающих культурных представления <...>. Первым было представление о том, что какой-то особый письменный язык дает привилегированный доступ к онтологической истине, и именно потому, что он – неотделимая часть этой истины» [1: 38]. И далее: «Люди, говорившие на колоссальном количестве французских, английских, испанских языков, которым могло оказываться трудно или даже невозможно понять друг друга в разговоре, обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали осознавать присутствие сотен тысяч и даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что только эти сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали. И именно эти сочитатели, с

которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национального воображаемого сообщества» [1: 67].

Подобный подход характерен для тех, кто стремится разоблачить миф. Р. Барт справедливо указывал: «Главный принцип мифа – превращение истории в природу» [2: 255]. Разоблачители стремятся опровергнуть миф, пытаясь доказать, что тот или иной объект отнюдь не изначален, но является продуктом историко-культурного развития. Именно этим занимаются сторонники мифологии конструктивизма, нанося, с их точки зрения, самый страшный удар по мифу – отрицая его естественность, природность, изначальность, исконность.

М. Биллинг: «Верования и общие представления, которые выдают мир наций за наш естественный мир, создаются в ходе исторического развития: они не являются «естественными» общечеловеческими представлениями. В другие эпохи люди даже не задумывались о языке и диалекте (тезис представляется мне весьма спорным. – Д.Г.), т.е. о тех вещах, которые стали сегодня частью обыденной жизни и кажутся нам столь достоверными. Такие представления так глубоко укоренились в повседневности, что легко забыть, что они представляют собой изобретенные непреложности» [3: 67].

Разоблачение мифа в данном случае творится с позиций либерального космополитизма, т.е. другой мифологии, которая кажется разоблачителю логичной и рациональной, при этом он не замечает, что сам не очень следует логическим, рациональным принципам в своих рассуждениях. Во-первых, миф вовсе не отрицает исторического развития, скажем, до Прометея люди не знали огня. Но главное не в этом. Что меняет то, что нации и языки являются «изобретенными»? Вряд ли кто-нибудь станет отрицать существование национальной и лингвистической идентичностей и тесную связь между ними. Что меняет то, что они являются продуктами культурного развития, а не даны биологически? Сама по себе проблема отделения культурного от биологического весьма сложна. До какой степени естественно эстетическое чувство? Любовь? Совершенно очевидно, что институт семьи в его нынешнем виде – «изобретение» (в терминологии М. Биллинга), хотя, конечно, основывается на некоторых биологических (природных) предпосылках. При этом даже те, кто утверждает, скажем, естественную полигамность человеческих особей, не решаются декларировать необходимость разрушения семьи.

Если же говорить о национальном языке как «изобретении», то следует признать справедливость данного тезиса. Но вряд ли можно спорить с тем, что изначальной, исконной, естественной и т.д. для человека является оппозиция «свой / чужой», «мы / они». При этом не подлежит сомнению, что (сознательно или нет) ищутся критерии отделения «нас» от «них». Трудно поверить, что лингвистические различия не играют при этом никакой роли. Сказанное позволяет утверждать, что лингвистическая идентификация и, соответственно, дифференциация именно изначальны, хотя формы их, конечно, исторически изменчивы.

Коснувшись базовых мифов конструктивизма, остановлюсь на лингвистических мифах примордиализма, учения, полагающего, несколько упрощая, природную или лингвокультурную изначальность этнического единства. Перечислю некоторые из этих мифов, после чего коротко остановлюсь на каждом из них.

- Древность родного языка.
- Его исключительное богатство.
- Его необыкновенная сложность.
- Угрозы родному языку, теряющему свою чистоту и правильность.

Важнейшей мифологемой является представление о древности языка. Это связано с уже упоминавшимся архетипом изначальности, столь важным для мифологического сознания. Для этого сознания очевидно: чем древнее, тем лучше, следовательно, самый древний – это самый хороший. Примеры подобного понимания обнаруживаются повсюду. Замечательные по своей нелепости изыскания М. Задорнова и ему подобных являются ярким тому подтверждением. Не откажу себе в удовольствии привести образчик подобного текста из школьного исследовательского проекта, попавшего ко мне на рецензию (серьезные сомнения, что писано это школьником, а не его родителями или «научным» руководителем, при этом сохраняю стилистику). «Россия – уникальная страна во всех отношениях. В районе Южного Урала около деревни Чандар в 1999 году профессор Чувыров обнаружил

каменную плиту, на которую была нанесена рельефная карта Западно-Сибирского региона, выполненная технологиями, неизвестными современной науке. Подобную карту невозможно создать и сегодня. На этой трёхмерной карте были обозначены ромбовидные площадки и письменные знаки, нанесённые иероглифо-слоговым письмом, которое сразу отнесли почему-то к древнекитайскому языку, что в дальнейшем полностью НЕ подтвердилось. Вбитая нам, славянам, идея примитивности про наших предков настолько въелась в мозги Российским учёным, что в них даже и не возникло мысли о том, что надписи сделаны Славяно-Арийскими рунами, и легко читаются. И для этого не надо отправляться в тридевятое царство, а только сравнить с рунами из Славяно-Арийских Вед».

Этот текст, кстати, далеко не самый выдающийся по своей абсурдности, приведен здесь потому, что содержит все основные элементы упомянутой мифологемы: абсолютное доверие профессору Чувырову с одновременным обличением мракобесия всех иных ученых, которые из врожденной злокозненности отказываются признать выдающееся открытие, отсутствие как каких-либо сомнений в существовании неких Славяно-Арийских Вед, так и доказательств подобного существования, причем надписи, оказывается, легко читаются, т.к. написаны, вероятно, на современном русском языке, и т.д.

Сторонникам подобных идей даже не приходит в голову, что языки постоянно меняются, поэтому бессмысленно говорить о древности современного состояния того или иного языка (а имеется в виду именно такое его состояние). Можно, конечно, ставить вопрос о древности письменной традиции того или иного языка, о времени кодифицирования этого языка, но, строго говоря, все языки одинаково древние или одинаково современные. Но для мифологемы древности все эти доводы не имеют никакого значения, т.к. мифологическое сознание предполагает объект своей веры вечным и неизменным, как уже говорилось выше.

Другой лингвистической мифологемой является представление о неисчерпаемом богатстве родного языка. В силу обстоятельств мне довелось участвовать в последние годы в качестве эксперта в различных конкурсах научных работ школьников, посвященных языкознанию. Едва ли не в каждом втором исследовании встречалось утверждение о том, что русский язык является самым богатым в мире. На вопрос о критериях этого богатства зачастую следовал ответ о разнообразии словообразовательных моделей, наличии большого количества лексических синонимов, «свободном» порядке слов, предоставляющем большие возможности, и др. Правда, многие из говоривших об этом заметно смущались, когда я спрашивал их о том, являются ли, скажем, немецкий и французский языки более бедными, чем русский, т.к. в них значительно меньше словообразовательных моделей, да и с порядком слов все не так хорошо. Некоторые, однако, на этот вопрос давали утвердительный ответ и принимались приводить хрестоматийные цитаты из М.В. Ломоносова и И.С. Тургенева, в глазах загорались искорки гнева против безродного космополита, позволяющего себе выражать сомнение в безусловном превосходстве родного языка над всеми остальными.

Другой эпизод, о котором я хочу рассказать, связан с посещающей мой семинар студенткой 4 курса (почти дипломированным филологом-русистом) из Казахстана, причем этнической русской. На мой вопрос о языковой ситуации в этой стране она среди прочего сказала, что недавно была предпринята попытка перевести все дело-производство на казахский язык, но она закончилась неудачей. Я заметил, что это вполне естественно, т.к. вряд ли казахский язык в настоящее время столь развит, чтобы полноценно обслуживать все речевые жанры. Моя собеседница слегка обиделась и стала горячо доказывать, что этот язык очень богатый, там у каждого слова множество синонимов. Я с удивлением обнаружил, что филологу нужно объяснять элементарные, на мой взгляд, вещи: богатство языка определяется предоставляемыми им ресурсами для создания художественных, научных, философских, политических, публицистических и др. текстов самого высокого уровня, что язык, обслуживавший фактически лишь бытовую сферу, не может за короткий срок развить систему функциональных стилей, соответствующих терминов и понятий, речевых жанров и т.д. и т.п., чтобы полноценно обслуживать все указанные выше сферы. Я нисколько не сомневаюсь в потенциале казахского языка (как и любого другого), но для развития этого потенциала

просто нужно время. Моя студентка слушала эти речи с некоторым недоверием и, хотя возражать не стала, осталась, думаю, при своем мнении.

Еще одной мифологемой является представление о необычайной сложности родного языка и невозможности овладения им иностранцами. Видимо, подобное представление призвано выполнять компенсаторную функцию, возвышая носителя языка над беспонимыми иностранцами. Интересно, что сам этот носитель зачастую имеет лишь весьма приблизительное представление о каких-либо иных языках.

Теперь хотелось бы остановиться на вопросе о правильности языка. Многочисленные литании о порче русского языка, его засорении заимствованиями, сленгом, арго-тизмами, повсюду встречающимися орфографическими, пунктуационными, стилистическими ошибками и т.п. звучат сегодня повсюду. Коротко скажу, что сам я не считаю эти стенания беспочвенными, хотя вижу главную угрозу в обвальном падении коммуникативной компетенции носителей русского языка молодого поколения, что, впрочем, является отдельной темой. Страх за оскудение родного языка основывается на мифологизации нормы, на представлении о том, что существует некий «правильный» язык, любые отступления от него преступны.

Норма начинает восприниматься как нечто абсолютное и незыблемое, более того, отход от нормы воспринимается как «засорение», «порча» языка, следовательно, для спасения последнего необходимо всячески защищать эту норму, неукоснительно следовать ей всегда и всюду. Теоретические представления о том, что динамична как норма, так и сами принципы кодификации языка, ничего не меняют – рациональность не разрушает миф. В качестве примера приведу случай, имевший место в Риге на семинаре преподавателей русского языка Латвии. Открывал мероприятие сотрудник российского посольства, который произнес дежурную речь о значимости русского языка и необходимости его сохранения во всей полноте и богатстве. При этом дипломат поделился своими впечатлениями о встречах с эмигрантами первой волны, которые, несмотря на преклонный возраст и оторванность от России, сохраняют прекрасный, правильный (было произнесено именно это слово) русский язык, в отличие от нас (тут чиновник грустно посмотрел на сидящих в зале).

Говоривший вряд ли задумывался над тем, что должно называться «правильным» русским языком, каковы критерии этой правильности и, соответственно, неправильности. «Правильный» язык – это нечто изначальное и вечное, он существует вне нас, мы можем лишь пытаться овладеть частью предлагаемых им богатств. Надо заметить, что разговоры о превосходстве речи эмигрантов мне доводилось слышать неоднократно. Справедливости ради надо заметить, что у этого мифологического представления есть и рациональное объяснение. Все же еще недавно овладение родным языком в отечественной школе осуществлялось на примере текстов классической литературы 19 века, поэтому архаизированная речь эмигрантов многими воспринимается как наиболее близкая к идеалу.

Интересно, что вопрос о текстах, например, «Левши», «Тихого Дона», «Котлована» (они входят в школьную программу), в которые активно включаются единицы и структуры, находящиеся за пределами литературной нормы, сразу ставит ее защитников в тупик, но не может поколебать представления о том, что говорить нужно «правильно». Замечу, что сам я вовсе не являюсь сторонником полного релятивизма, отказа от норм и правил, лишь констатирую мифологическую абсолютизацию нормы, проявления чего можно видеть на самых разных уровнях.

В данных заметках не ставилось целью подробное изучение бытующих лингвистических мифов, я также не пытаюсь добиться того, чтобы общество отказалось от мифов и обратилось к «правильному» пониманию сути вещей. Я лишь старался в самых общих чертах обозначить тот мифологический фон, на котором сегодня разгораются ожесточенные споры по вопросам социолингвистики и языковой политики, ведущиеся на самых разных уровнях нашего общества, и который, конечно, нуждается в более подробном изучении, чему будут посвящены наши дальнейшие работы.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
2. *Барт Р.* Мифологии. М., 2000.
3. *Биллинг М.* Нации и языки // Логос. 2005. № 4.
4. *Джозеф Д.* Языки и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4.
5. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
6. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1995.
7. *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Харьков, 2004.
8. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.
9. *Флад К.* Политический миф. М., 2004.
10. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 1995.

LINGUISTIC MYTH IN THE NATIONAL MYTHOLOGY

Gudkov D.B.

Lomonosov Moscow State University, the Faculty of Philology (MSU)

The article deals with the linguistic component of the national myth, its ethnodifferentiating and ethnointegrating functions. Special attention is paid to linguistic myths of primordialism (anciency, complexity, richness) and their presentation in Russian mass media, their role in metonymical identification of personality.

Key words: national myth, constructivism, primordialism, metonymical identification.